

И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Памяти Максимилиана Волошина

Из советских газет мы узнали, что Максимилиан Волошин умер 11 августа в Коктебеле, в Крыму, на пятьдесят пятом году жизни.

До войны имя Волошина было уже хорошо известно в столичных литературных кругах. Но несмотря на то что стихотворное мастерство его было всеми признано, к нему все же относились с известным недоверием, его считали эстетом упадочного типа, эклектиком. Европейец по своему складу, Волошин всегда тяготел к западной культуре, к западному искусству. Действительно, ему долго не удавалось найти свое подлинное поэтическое лицо, стать самим собой. Париж и Рим, Испания и Нюрнберг были одинаково дороги «русскому европейцу». В этой любви уже можно было угадать не только брюсовское служение «всем богам», но и страстное желание проникнуть в легендарную тайну Истории.

От стихов о Французской революции поэт обратился к глухонемым демонам русской смуты. Еще в 1906 году, в Париже, Волошин пророчествовал о грядущей кровавой, беспощадной революции. Конечно, предчувствие роковых событий было у всех поэтов поколения символистов. Но если Блок и Андрей Белый ждали некоего чуда, просветления, революционного празднества, Волошин принимал грядущие события как испытание, как наказание Божие. Таково было его отношение и к войне, и к революции:

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе? —
Пребудь смиренной и бедной,
Верной своей судьбе.
Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственной, осветленной
Всей красотою земли...¹

Перед приходом советской власти в Крым Волошин в своем Коктебеле вспоминал слова св. Лу, архиепископа Труасского², обращенные некогда к Аттиле³: «Да будет благословен приход твой, бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя». В стихотворении «Северовосток» поэт горестно вопрошает:

Что менялось? Знаки и возглавья,
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы революции — в царях.

«Мы видели, — говорит поэт, обращаясь к далеким потомкам, — безумие целых рас, крушение царств, косматое светило, прообразы последнего Суда. Мы пережили Илиады войн и Апокалипсисы революций»⁴. Человек должен все понять, все принять, ибо во всем кроется глубинный смысл, наказание и награда — путь очищения. Ибо каждый человек, утверждает Волошин, сам выбрал свой час рождения, и век, и царство, и область, и народ для того, чтобы преодолеть свое человеческое, чтобы огненным крещением освободить бессмертное духовное начало:

Верю в правоту духовных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил».

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало —
Господи, — вот плоть моя⁵.

Когда в период Гражданской войны вокруг поэта раздавались голоса: «Кто не за нас — тот против нас», он утверждал наперекор всем страстям свое всепрощение:

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме,
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других⁶.

Для того чтобы понять сущность русской революции, Волошин обратился к прошлому, к Смутному времени, когда над Россией реял единый дух мятежа, поочередно воплощавшийся в различных самозванцах (все

помнят его прекрасное стихотворение «Дмитрий-император»⁷). Мы напоминаем также известное стихотворение Волошина «Святая Русь», которое, к сожалению, уже стало достоянием любительских спектаклей.

Одним из лучших стихотворений Волошина является «Молитва о Городе» из книги «Демоны глухонемые», помеченное: Феодосия, весна 1918 года. В пыльных галлюцинациях камней, в стенах церквей и мечетей таится, по словам поэта, до конца не затушенный огонь, страсти наших предков, готовые снова вспыхнуть. А там, за пределами города, дремлют охряные холмы, могильники степных племен, имена которых до нас не дошли. И вот этот сон нарушен, ибо зашатался «и пал великий имперский столб»⁸. Ненависть замутила людские души. Вместо того чтобы стремиться к ангельскому лику, потомки Адама надели на себя личины глухонемых демонов. В некогда сонном крымском городке безумие и смерть воцарились на многие годы:

Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей⁹.

В те годы поэту хотелось заковать каждый курок и каждую братоубийственную руку, очистить людей своей жертвенной любовью, вознести их горечь, тоску и смятение к престолу Всевышнего.

Быть может, привязанность поэта к видениям Крыма объясняется тем, что у берегов Понта Эвксинского он чувствовал веянье духа истории, как никогда и нигде. Еще в «Аполлоне», задолго до войны, Волошин писал в статье о художнике Богаевском¹⁰, запечатлевшем видения Крыма-Кимерии. Это Кимерия, печальная область... Связанная с судьбами Средиземного моря, она была наиболее забытой провинцией истории. Народы, которые здесь обосновались, менялись беспрестанно и поэтому не имели времени ни сохранить грядущему свои имена, ни передать имена тех народов, которые им предшествовали. Когда вспыхнула революция, поэту показалось, что из огненных трещин его скифского отечества, похожих на врата в мифический ад, вырвался легион бесов, пленивших людские души. Они-то и стремятся уничтожить все, что создано, построено, насажено с таким великим трудом, чтобы снова превратить великую Россию в мифическую Кимерию — печальную и зачарованную землю.

Человечество подчинилось машине, говорит поэт в цикле «Путем Каина», которая научила нас пристойно мыслить и трезво рассуждать, доказала нам с полной очевидностью, что нет духа, а есть только материя, что звездный космос — только механизм для производства

времени, что на свете единственная реальность — желудок и что нет богов, кроме него. Подлинная культура была создана размышлением, молитвой, но для современного человека уже не осталось времени для духовной жизни. Механизация порождает ненависть, ненависть — войну, война — революцию, голод и чуму. Поэт предвидел еще новые войны и новые революции, которые по жестокости своей превзойдут даже европейскую войну и русскую революцию.

Эту краткую статью, посвященную памяти поэта и человека, шедшего по пути духовного просветления среди распрей и ненависти, мы закончим его стихотворением, написанным в ноябре 1921 года в феодосийской городской больнице. Посвящено оно памяти Александра Блока и Николая Гумилева:

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба, —
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба¹¹.

<1932>

